

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ/PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY,
PHILOSOPHY OF CULTURE**

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.116> EDN: IMVIFE**ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ: К
ФОРМИРОВАНИЮ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

Научная статья

Курбанова М.Г.^{1,*}¹ Индивидуальный предприниматель Курбанова Мариян Гасановна, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kurb2025[at]mail.ru)

Предложена: 20.03.2026; Принята: 23.04.2026; Опубликовано: 18.05.2026

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена кризисом классических критериев демаркации в современной философии науки и необходимостью поиска новых методологических оснований для работы со сложными человекообразными системами.

Цель статьи — выявить и проанализировать возможности интеграции принципов постнеклассической научной рациональности с методологическим и мировоззренческим потенциалом альтернативных (внеаучных) познавательных практик.

Методологическую базу исследования составляют сравнительный анализ, системный подход, принципы постнеклассической философии науки (В.С. Степин, В.А. Лекторский), а также элементы герменевтики и синергетики. В результате исследования установлено, что ключевые установки постнеклассической рациональности — холизм, признание нелинейности, контекстуальность истины и включенность наблюдателя — создают концептуальное пространство для диалога с такими практиками, как герменевтика символических систем (архетипы, Таро), интуитивное познание и протомодели сложности (астрология, И Цзин). Показано, что альтернативные методы могут выполнять эвристическую, герменевтическую и моделирующую функции, не будучи приравненными к науке в строгом смысле.

Выводы исследования обосновывают перспективность разработки открытой трансдисциплинарной программы интегральной эпистемологии, основанной на методологической рефлексии и признании границ применимости различных когнитивных стратегий.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность, интегральная эпистемология, демаркация, герменевтика, холизм, синергетика, трансдисциплинарность, неявное знание, архетип, протомоделирование.

**POSTNONCLASSICAL RATIONALITY AND ALTERNATIVE METHODS OF COGNITION: TOWARDS THE
DEVELOPMENT OF INTEGRAL EPISTEMOLOGY**

Research article

Kurbanova M.G.^{1,*}¹ Individual entrepreneur Kurbanova Marian Hasanovna, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (kurb2025[at]mail.ru)

Suggested: 20.03.2026; Accepted: 23.04.2026; Published: 18.05.2026

Abstract

The relevance of the research is due to the crisis surrounding the traditional criteria for demarcation in contemporary philosophy of science and the need to seek new methodological foundations for working with complex human-scale systems.

The aim of the article is to identify and analyse the possibilities for integrating the principles of postnonclassical scientific rationality with the methodological and epistemological potential of alternative (non-scientific) cognitive practices.

The methodological framework of the study consists of comparative analysis, a systems approach, the principles of postnonclassical philosophy of science (V.S. Stepin, V.A. Lektorsky), as well as elements of hermeneutics and synergetics. The study has established that the key principles of postnonclassical rationality—holism, the recognition of non-linearity, the contextual nature of truth, and the inclusion of the observer—create a conceptual space for dialogue with such practices as the hermeneutics of symbolic systems (archetypes, Tarot), intuitive cognition, and protomodelling of complexity (astrology, I Ching). It is demonstrated that alternative methods can perform heuristic, hermeneutic and modelling functions without being equated with science in the strict sense.

The research results substantiate the prospects for developing an open, transdisciplinary programme in integral epistemology, based on methodological reflection and an acknowledgement of the limits to the applicability of various cognitive strategies.

Keywords: postnonclassical rationality, integral epistemology, demarcation, hermeneutics, holism, synergetics, transdisciplinarity, tacit knowledge, archetype, protomodelling.

Введение

Одной из актуальных проблем современной философии науки является проблема демаркации научного и ненаучного знания. Эта проблема связана с глубоким системным кризисом классических критериев научности, таких как объективность, верифицируемость, непротиворечивость и др.

Как отмечает В.А. Лекторский, классическая эпистемология исходила из идеала «чистого» познания, где субъект мог быть элиминирован, однако развитие науки показало ограниченность этого подхода [1, С. 12]. В современной эпистемологической ситуации эти критерии демонстрируют свою принципиальную ограниченность при работе со сложными человекообразными системами, что не отменяет их значимости в соответствующих предметных областях, но требует дополнительной рефлексии. Постнеклассическая наука, сталкиваясь со сложными системными объектами и глобальными вызовами современности, осознает потребность в принципиально новом методологическом подходе к их решению.

Одним из ярких трендов развития научного знания в постнеклассическую эпоху становится междисциплинарность — как попытка решить комплексные проблемы средствами различных областей научного знания. Однако масштаб этих проблем требует не простого механического объединения нескольких частных научно-исследовательских программ, а радикального пересмотра мировоззренческих оснований научной парадигмы.

Наиболее очевидно этот тренд проявился еще в 80-х годах прошлого века в работах Поля Фейерабенда, который утверждал, что для объективного познания нужен плюрализм мнений и методологический принцип: продвигайся вперед, используя любые доступные средства [2, С. 203]. Идеи пролиферации (размножения) теорий, предложенные Фейерабэндом, не означают отказа от научной строгости, но подчеркивают эвристическую ценность множественности подходов. Важно подчеркнуть, что, вопреки возможным упрощенным интерпретациям, в основании современного междисциплинарного подхода лежит не голый методологический анархизм, а осознание сложности объекта, требующей координации различных дисциплин при сохранении критической рефлексии.

Хотя радикальные лозунги Фейерабенда были неоднозначно восприняты научным сообществом, они стали одним из факторов, способствовавших осмыслению становления нового типа научной рациональности — постнеклассического. В этой мировоззренческо-методологической системе, как отмечает В.С. Степин, невозможно отделение познающего субъекта от объектов, а ценностные ориентиры познающего субъекта — от научной истины, поскольку сложные человекообразные системы не могут быть описаны в системе ценностно нейтральных языков [3].

Как подчеркивал М.К. Мамардашвили, классическое понимание рациональности часто вело к «отчуждению» знания от субъекта, что стало предметом критики в неклассической философии [4, С. 25]. Развивая эту линию, В.С. Швырев отмечал, что эволюция научной рациональности связана с углублением рефлексии над познавательными действиями [5, С. 67].

Кризис узкоспециализированного знания, замкнутого в границах собственных предметных областей, ориентация на аналитический и редукционистский подход к любой сложной системе, сформированной еще классической научной рациональностью, может вести, как отмечает Э. Морен, к незнанию организации, связей, целостностей [6, С. 116]. Это обстоятельство необычайно актуализирует запрос на формирование принципиально иного способа понимания мира, в котором были бы интегрированы и переосмыслены все виды эпистемологических практик человечества.

При этом следует особо подчеркнуть, что интегральная эпистемология будущего не может и не должна сводиться лишь к механическому соединению различных методов, взятых из разных культурных и исторических традиций, и эклектичным образом применяться в познавательных практиках.

Такой путь формирования новой эпистемологической парадигмы представляется бесперспективным. Речь идет о разработке своего рода метатеоретического каркаса, который бы выявлял возможности взаимодополнения различных когнитивных стратегий, а также определял условия и границы их применимости в конкретных эпистемологических ситуациях.

Главным препятствием на пути построения интегральной эпистемологической модели является сохраняющий свое влияние тезис о принципиальной несовместимости научных и вненаучных форм знания.

Начиная с классического позитивизма вопросы и проблемы метафизической природы вместе с выработанными на протяжении истории человечества путями поиска ответов на них категорично элиминируются из сферы научной методологии. Однако в свете ключевых параметров постнеклассической модели научной рациональности этот тезис требует кардинального пересмотра.

Постнеклассическая стадия развития научного знания, акцентирующая внимание на контекстуальности истины, основывающаяся на синергетических принципах целостности и нелинейности сложных систем, делает этот конфликт методологически несостоятельным.

В современной эпистемологической ситуации происходит смещение фокуса с процедур верификации и фальсификации статусов ненаучных методов (которые, разумеется, в большинстве случаев эти процедуры не проходят) на анализ их операциональной эффективности, то есть способности конструировать смыслы и ценности в рамках трансдисциплинарных исследовательских программ, где ни один тип рациональности не обладает монополией на истину.

Цель исследования — выявить и проанализировать возможные точки интеграции и возможной взаимодополняемости принципов постнеклассической науки и альтернативных методов познания.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

Охарактеризовать ключевые принципы и установки постнеклассической рациональности, создающие основу для диалога с вненаучным знанием.

Выделить и проанализировать в альтернативных эпистемологических практиках (герменевтических, медитативных, традиционных и символических системах знания) те методологические и мировоззренческие аспекты, которые могут быть соотнесены с постнеклассическим типом научной рациональности.

Обосновать возможные контуры интегральной эпистемологической парадигмы на основе выявленных комплементарных аспектов.

Методы и принципы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные работы в области философии и методологии науки, посвященные проблемам рациональности и демаркации. В работе используются следующие методы и принципы:

Сравнительный анализ — для сопоставления установок постнеклассической науки (холизм, нелинейность, субъект-объектная включенность) с характеристиками альтернативных познавательных практик (символизм, интуитивизм, герменевтичность).

Системный подход — позволяет рассматривать как научное знание, так и альтернативные практики в качестве сложных, исторически развивающихся систем, обладающих собственной структурой и функциями.

Принципы постнеклассической философии науки, разработанные В.С. Степиным, В.А. Лекторским, М.К. Мамардашвили, которые задают понимание современной эпистемологической ситуации и роли субъекта в познании.

Элементы герменевтики (В.Г. Кузнецов) — для анализа символических систем (астрология, Таро, архетипы) как текстов, подлежащих интерпретации и производящих смысл.

Идеи синергетики (Э. Морен, М.В. Быстров) и теории сложности — для описания механизмов интуитивного познания и анализа протомоделей нелинейных систем.

Концепция неявного знания М. Полани — для объяснения эпистемологической значимости личностного и интуитивного опыта.

Методологическая рефлексия — как необходимый инструмент для определения границ применимости различных когнитивных стратегий и предотвращения эклектики.

Основные результаты

В ходе исследования были получены следующие результаты, раскрывающие потенциал взаимодействия постнеклассической науки и альтернативных методов познания.

1. Концептуальное сближение на уровне установок. Установлено, что ключевые параметры постнеклассической рациональности — отказ от жесткого объективизма, признание роли наблюдателя [7, С. 32], холизм и ориентация на изучение эмерджентных свойств сложных систем [8, С. 136], признание нелинейности и роли случайности [9, С. 69] — демонстрируют концептуальную созвучность с основополагающими принципами альтернативных познавательных традиций.

Идеи коэволюции, разрабатываемые Р.С. Карпинской, И.К. Лисеевым, А.П. Огурцовым [10] и Л.В. Фесенковой [11], подчеркивают необходимость согласованного развития человека и природы, что коррелирует с холистическими картинами мира в даосизме или буддизме. Принцип неразрывной связи наблюдателя и наблюдаемого [12, С. 138] легитимирует в постнеклассическом контексте исследование практик, где сознание выступает активным соучастником реальности. Это создает, по словам Т.Г. Лешкевич, «легитимное пространство для взаимодействия различных познавательных традиций» [13, С. 65].

2. Реинтерпретация альтернативных практик. В рамках постнеклассической парадигмы становится возможной ревизия эпистемологического статуса таких феноменов, как астрология, Таро, нумерология. Они могут быть проанализированы не как инструменты фаталистического предсказания, а как сложные семиотические и герменевтические системы.

Их ценность смещается в область производства смыслов, инициирования психологической рефлексии и структурирования внутреннего опыта, что сближает их с методологией гуманитарных наук, где, по В.Г. Кузнецову, «понимание есть реконструкция смысла» [14]. Процесс интерпретации натальной карты или расклада Таро может быть описан как герменевтический круг, выявляющий архетипические паттерны [15, С. 128].

3. Эпистемологическая значимость интуитивного и неявного знания. Концепция неявного знания М. Полани [16, С. 88] позволяет рассматривать интуицию, мистический и личный опыт не как альтернативу науке, а как фундаментальный, телесно воплощенный пласт познания, предшествующий рациональным операциям. С позиций синергетики (М.В. Быстров), феномены инсайта и озарения могут быть интерпретированы как результат самоорганизации в сложных нелинейных системах (нейродинамика мозга), достигающих когерентного состояния [17, С. 210]. Философия сознания Д. Чалмерса [18, С. 126], постулирующая опыт как фундаментальное свойство реальности, открывает возможность для нередуктивного изучения субъективных феноменов в рамках расширенной научной парадигмы.

4. Функциональный анализ альтернативных подходов. В контексте интегральной исследовательской программы альтернативные методы могут выполнять ряд важных функций, не замещая собой научное познание:

– Эвристическая функция: Выступают в роли генератора гипотез и источника метафор. Примером служит трансформация астрологических идей в научную историометрию, изучающую корреляции солнечной активности с социальными процессами [19, С. 141].

– Герменевтическая функция: Символические системы (архетипы, Таро) служат проективными инструментами в качественных исследованиях, позволяя выявлять скрытые смыслы и бессознательные установки [20, С. 215], создавая безопасное пространство для выражения трудно вербализуемого опыта [21, Р. 81].

– Моделирующая функция (протомодели): Такие системы, как гексаграммы «И Цзин» или астрологические карты, могут рассматриваться как исторически ранние, интуитивные попытки (протомодели) работы со сложностью. Они оперируют не изолированными элементами, а конфигурациями, демонстрируя понимание нелинейности и эмерджентности задолго до появления строгой теории сложности. Их фундаментальное отличие от научных моделей

— в отсутствии строгой операционализации и опоре на символично-аналогическое мышление, что не позволяет считать их научными теориями, но делает интересным объектом методологической рефлексии.

Обсуждение

Полученные результаты требуют тщательной интерпретации в контексте современных дискуссий о демаркации и природе рациональности.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что выявленное концептуальное сближение постнеклассической науки с альтернативными практиками не означает их отождествления или признания последних в качестве научных. Как справедливо отмечают критики, классические критерии научности (верифицируемость, фальсифицируемость) остаются действенными регулятивами в своих предметных областях.

Однако постнеклассическая философия науки, вслед за работами В.А. Лекторского [1] и В.С. Степина [3], демонстрирует их историческую ограниченность и невозможность их абсолютизации при работе с человекообразными системами, включающими ценности и сознание.

В этом контексте предложенная реинтерпретация астрологии или Таро как семиотических и герменевтических систем позволяет избежать двух крайностей: как наивного признания их научной состоятельности, так и полного игнорирования их культурного и психологического значения.

Данный подход переводит дискуссию из плоскости «наука/лженаука» в плоскость анализа функциональности и операциональной эффективности. Если астрологическая карта или расклад Таро служат эффективным инструментом для саморефлексии и порождения личностных смыслов (что подтверждается их широким использованием в психотерапевтических практиках, близких к юнгианству [15]), то их изучение становится легитимной задачей для психологии и философии сознания.

Связь с концепцией неявного знания М. Полани [16] и идеями синергетики [17] позволяет натурализовать обсуждение интуиции, представив ее не как мистическое озарение, а как результат работы сложных когнитивных механизмов, пока не получивших строгого математического описания. Это открывает перспективу для конвергенции: наука получает новый объект исследования (феномены сознания и интуиции), а практики получают потенциальное объяснение своих механизмов. Подход Д. Чалмерса [18] предлагает для этого философский фундамент, легитимируя изучение субъективного опыта как фундаментального измерения реальности.

Особого внимания заслуживает обсуждение протомodelей. Утверждение, что древние мантические системы интуитивно улавливали некоторые принципы теории сложности (нелинейность, эмерджентность, чувствительность к начальным условиям), не является признанием их научной ценности в современном смысле. Скорее, это указывает на глубинные когнитивные механизмы человека, которые всегда были нацелены на постижение сложности, и которые в разные эпохи находили разное оформление — от мифопоэтического до научного. Изучение этих исторических форм может обогатить современную науку новыми метафорами и эвристиками, что перекликается с идеями П. Фейерабенда о ценности теоретического плюрализма [2]. Однако, как подчеркивалось выше, этот потенциал реализуется лишь при условии строгой научной проверки и переформулирования исходных идей на операциональном языке.

Таким образом, предлагаемый проект интегральной эпистемологии нацелен не на создание эклектичного гибрида, а на выработку метатеоретического каркаса, позволяющего координировать различные когнитивные стратегии. Ключевым условием здесь выступает глубокая методологическая рефлексия, позволяющая четко определить границы и компетенции каждого подхода и предотвратить риски релятивизма. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на разработку конкретных трансдисциплинарных методик для работы со сложными объектами, сочетающих, например, строгий статистический анализ с качественными герменевтическими процедурами.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы, соотносящиеся с поставленной целью.

Во-первых, установлено, что ключевые параметры постнеклассической рациональности — контекстуальность истины, холизм, нелинейность и включенность наблюдателя — демонстрируют значительный концептуальный потенциал для диалога с альтернативными когнитивными практиками. При этом классические критерии научности сохраняют свое значение в соответствующих областях, но не могут рассматриваться как единственно возможные при работе с человекообразными системами.

Во-вторых, показано, что в свете постнеклассической парадигмы становится возможной продуктивная реинтерпретация таких явлений, как астрология, Таро, интуитивный опыт. Их эпистемологический статус может быть переосмыслен: они предстают не как конкуренты науки, а как сложные семиотические, герменевтические системы и когнитивные практики, обладающие эвристическим, смыслопорождающим и психотерапевтическим потенциалом. Концепции неявного знания, синергетики и философии сознания предоставляют инструменты для их научного анализа.

В-третьих, обосновано, что наиболее продуктивным вектором развития эпистемологии является разработка открытой трансдисциплинарной исследовательской программы. Интегральная эпистемология будущего должна представлять собой не готовую доктрину, а метатеоретический каркас, основанный на методологической рефлексии. Этот каркас призван обеспечить координацию различных когнитивных стратегий (научных и вненаучных) при решении комплексных проблем, требующих учета многомерности реальности. Успех такой программы зависит от строгого определения границ и компетенций каждого подхода, что позволит избежать как сциентистского редукционизма, так и опасного эпистемологического релятивизма.

Перспективой дальнейших исследований является конкретизация предложенных принципов в виде практических трансдисциплинарных методик и их апробация в таких областях, как экология, психология здоровья, социальное прогнозирование, где объекты исследования принципиально сложны и включают человека.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
2. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. — Москва : АСТ, 2007. — 413 с.
3. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы / В.С. Степин. — Москва : Гардарики, 2016. — 384 с.
4. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. — Тбилиси : Мецниереба, 1984. — 82 с.
5. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры / В.С. Швырев // Вопросы философии. — 1995. — № 5. — С. 65–77.
6. Морен Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен; пер. с фр. Е.Н. Князевой. — Москва : Прогресс-Традиция, 2005. — 464 с.
7. Афанасьева В.В. Постнеклассическая онтология / В.В. Афанасьева, Н.С. Анисимов // Вопросы философии. — 2015. — № 8. — С. 28–41.
8. Горковенко И.А. Идея научной картины мира: постнеклассическая рациональность / И.А. Горковенко, В.И. Стрельченко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2010. — Т. 2. — № 2. — С. 133–141.
9. Афанасьева В.В. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ / В.В. Афанасьева, Н.С. Анисимов // Власть. — 2013. — № 1. — С. 68–71.
10. Карпинская Р.С. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р.С. Карпинская, И.К. Лисеев, А.П. Огурцов. — Москва : Интерпракс, 1995. — 350 с.
11. Фесенкова Л.В. Коэволюционные идеи в современной науке / Л.В. Фесенкова // Биофилософия. — Москва : Институт философии РАН, 2004. — С. 150–165.
12. Попов В.В. Постнеклассическая реальность как формирование новой философской парадигмы / В.В. Попов, Б.С. Щеглов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2012. — № 2. — С. 136–140.
13. Лешкевич Т.Г. Постнеклассическая методология: эволюция парадигмы фундаментальной философии / Т.Г. Лешкевич // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 1998. — № 6. — С. 52–70.
14. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. — Москва : Издательство МГУ, 1991. — 192 с.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. — Москва : Ренессанс, 1991. — 304 с.
16. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / М. Полани; пер. с англ. — Москва : Прогресс, 1985. — 344 с.
17. Быстров М.В. О шуме 1/f с точки зрения всеобщей гармонии / М.В. Быстров // Синергетика и методы науки. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — С. 205–215.
18. Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory / D.J. Chalmers. — New York : Oxford University Press, 1996. — 432 p.
19. Гуревич П.С. Мистика как культурная традиция / П.С. Гуревич // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5. — С. 139–143.
20. Albrecht K. Psychology of Mystical Consciousness / K. Albrecht. — New York : Herder & Herder, 2019. — 428 p.
21. Parnas J. Mysticism and schizophrenia: A phenomenological exploration of the structure of consciousness in the schizophrenia spectrum disorders / J. Parnas, M.G. Henriksen // Consciousness and Cognition: An International Journal. — 2016. — Vol. 43. — P. 75–88. — DOI: 10.1016/j.concog.2016.05.010.
22. Князева Е.Н. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. — Москва : КомКнига, 2011. — 272 с.
23. Аршинов В.И. Синергетика конвергирует со сложностью / В.И. Аршинов // Вопросы философии. — 2011. — № 4. — С. 74–83. — EDN NQVXAL.
24. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов : коллективная монография. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — С. 285–305. — EDN UCEVBV.
25. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). — Москва : Когито-Центр, 2015. — 107 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lektorsky V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya [Classical and Non-Classical Epistemology] / V.A. Lektorsky. — Moscow : Editorial URSS, 2001. — 256 p. [in Russian]

2. Feyerabend P. Protiv metoda. Oчерk anarkhistskoj teorii poznaniya [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge] / P. Feyerabend; transl. from English by A.L. Nikiforov. — Moscow : AST, 2007. — 413 p. [in Russian]
3. Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obshchie problemy [Philosophy of Science. General Problems] / V.S. Stepin. — Moscow : Gardariki, 2016. — 384 p. [in Russian]
4. Mamardashvili M.K. Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti [Classical and Non-Classical Ideals of Rationality] / M.K. Mamardashvili. — Tbilisi : Metsniereba, 1984. — 82 p. [in Russian]
5. Shvyrev V.S. Racional'nost' kak cennost' kul'tury [Rationality as a Value of Culture] / V.S. Shvyrev // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. — 1995. — № 5. — P. 65–77. [in Russian]
6. Moren E. Metod. Priroda Prirody [Method. The Nature of Nature] / E. Moren; transl. from French by E.N. Knyazeva. — Moscow : Progress-Tradition, 2005. — 464 p. [in Russian]
7. Afanasyeva V.V. Postneklassicheskaya ontologiya [Postnonclassical Ontology] / V.V. Afanasyeva, N.S. Anisimov // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. — 2015. — № 8. — P. 28–41. [in Russian]
8. Gorkovenko I.A. Ideya nauchnoj kartiny mira: postneklassicheskaya racional'nost' [The Idea of the Total Scientific Picture of the World: Post-Non Classical Rationality] / I.A. Gorkovenko, V.I. Strelchenko // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]. — 2010. — Vol. 2. — № 2. — P. 133–141. [in Russian]
9. Afanasyeva V.V. Nelinejnoe razvitiye sociuma: postneklassicheskij analiz [Non-Linear Development of Society: Post-Non-Classical Analysis] / V.V. Afanasyeva, N.S. Anisimov // Vlast' [The Authority]. — 2013. — № 1. — P. 68–71. [in Russian]
10. Karpinskaya R.S. Filosofiya prirody: koevolucionnaya strategiya [Philosophy of Nature: Coevolutionary Strategy] / R.S. Karpinskaya, I.K. Liseev, A.P. Ogurtsov. — Moscow : Interpraks, 1995. — 350 p. [in Russian]
11. Fesenkova L.V. Koevolucionnye idei v sovremennoj nauke [Co-evolutionary Ideas in Modern Science] / L.V. Fesenkova // Biofilosofiya [Biophilosophy]. — Moscow : Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2004. — P. 150–165. [in Russian]
12. Popov V.V. Postneklassicheskaya real'nost' kak formirovanie novoj filosofskoj paradigmy [Post-Non-Classical Reality as the Formation of a New Philosophical Paradigm] / V.V. Popov, B.S. Shcheglov // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current Problems of Humanities and Natural Sciences]. — 2012. — № 2. — P. 136–140. [in Russian]
13. Leshkevich T.G. Postneklassicheskaya metodologiya: evolyuciya paradigmy fundamental'noj filosofii [Post-Non-Classical Methodology: Evolution of the Paradigm of Fundamental Philosophy] / T.G. Leshkevich // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. — 1998. — № 6. — P. 52–70. [in Russian]
14. Kuznetsov V.G. Germenevtika i gumanitarnoe poznanie [Hermeneutics and Humanities Knowledge] / V.G. Kuznetsov. — Moscow : Moscow State University Publishing House, 1991. — 192 p. [in Russian]
15. Jung C.G. Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol] / C.G. Jung. — Moscow : Renaissance, 1991. — 304 p. [in Russian]
16. Polanyi M. Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoj filosofii [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy] / M. Polanyi; transl. from English. — Moscow : Progress, 1985. — 344 p. [in Russian]
17. Bystrov M.V. O shume 1/f s točki zreniya vseobshchej garmonii [On 1/f Noise from the Perspective of Universal Harmony] / M.V. Bystrov // Sinergetika i metody nauki [Synergetics and Methods of Science]. — Saint Petersburg : Nauka, 1998. — P. 205–215. [in Russian]
18. Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory / D.J. Chalmers. — New York : Oxford University Press, 1996. — 432 p.
19. Gurevich P.S. Mistika kak kul'turnaya tradiciya [Mysticism as a Cultural Tradition] / P.S. Gurevich // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 1994. — № 5. — P. 139–143. [in Russian]
20. Albrecht K. Psychology of Mystical Consciousness / K. Albrecht. — New York : Herder & Herder, 2019. — 428 p.
21. Parnas J. Mysticism and schizophrenia: A phenomenological exploration of the structure of consciousness in the schizophrenia spectrum disorders / J. Parnas, M.G. Henriksen // Consciousness and Cognition: An International Journal. — 2016. — Vol. 43. — P. 75–88. — DOI: 10.1016/j.concog.2016.05.010.
22. Knyazeva E.N. Sinergetika: nelinejnost' vremeni i landshafty koevolyucii [Synergetics: Nonlinearity of Time and Landscapes of Coevolution] / E.N. Knyazeva, S.P. Kurdyumov. — Moscow : KomKniga, 2011. — 272 p. [in Russian]
23. Arshinov V.I. Sinergetika konvergiruet so slozhnost'yu [Synergetic Converges with Complexity] / V.I. Arshinov // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. — 2011. — № 4. — P. 74–83. — EDN NQVXAL. [in Russian]
24. Budanov V.G. Transdisciplinarnoe obrazovanie, tekhnologii i principy sinergetiki [Transdisciplinary Education, Technologies and Principles of Synergetics] / V.G. Budanov // Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podkhodov [Synergetic Paradigm. Diversity of Searches and Approaches] : collective monograph. — Moscow : Progress-Tradition, 2000. — P. 285–305. — EDN UCEVBV. [in Russian]
25. Lepsky V.E. Evolyuciya predstavlenij ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskij analiz) [Evolution of Management Concepts: Methodological and Philosophical Analysis] / V.E. Lepsky. — Moscow : Kogito-Tsentr, 2015. — 107 p. [in Russian]